

МАРИНА АРОМШТАМ

ДРУГАЯ
ДОРОГА

Москва
2016

УДК 821.161.3-93
ББК 84Р7-4
А79

Макет и оформление — *Валерий Калныньш*
Иллюстрации — *Вера Коротаева*

Аромштам М. С.
А79 Другая дорога. — М.: Время, 2016. — 112 с. —
(Серия «Время — детство!»)

ISBN 978-5-9691-1454-8

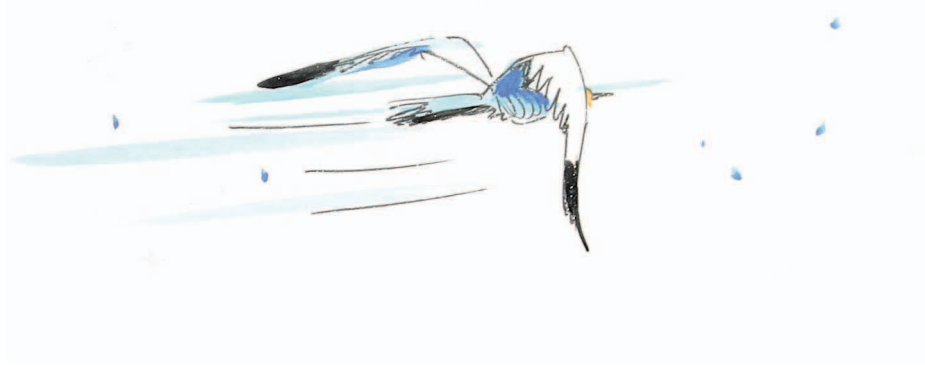
В далёкие времена не было белых мышей и бультерьеров, да что там — даже книг не было. Только поэты и их песни. Но человеческая жизнь коротка, а память ещё короче — и песни забывались вместе с теми, кто их сочинил. Поэту Аяэлю стало жалко своих песен, которые умрут вместе с ним, и он отправился в дорогу — чтобы найти способ сделать слышимое зримым и передать свои песни другим людям. Марина Аромштам написала удивительную сказку о конечности творца и бессмертии его творений, о дружбе и ответственности, о том, как удушающе опасна скука и как легко сбиться с пути, даже если цели у тебя светлые и благородные. А художница Вера Коротаева нарисовала к сказке иллюстрации, и слышимое стало зримым, а написанное оживило — в алых бузинных бусах, синем пере Серой Сойки и морских коровах, которые плавали в те далёкие времена недалеко от берега и поедали водоросли.

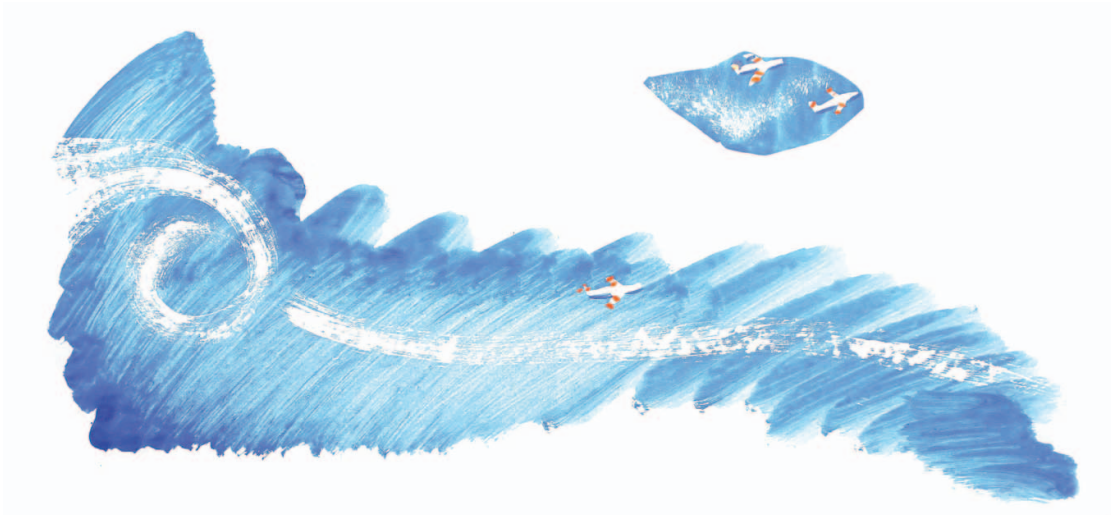
ББК 84Р7-4

ISBN: 978-5-9691-1454-8

© Марина Аромштам, 2016
© «Время», 2016

1

Жил-был...

— Принц?

(6 — Нет, не принц. Жил-был...

— Король?

— Нет, никакой не король. Не было тогда никаких королей. И тем более принцев.

И еще много чего тогда не было.

Компьютеров, планшетов, телефонов мобильных и немобильных — не было.

Телевизоров — не было.
Плееров — не было.
Холодильников — не было.
Электрических чайников —
не было.

И вообще ничего электриче-
ского. Даже лампочек — и то не
было.

Окон со стеклами — не было.
Автомобилей — не было. Мо-
тоциклов — не было. Велосипе-
дов — не было.

И детских колясок — не было.

Скейтбордов, роликов и коньков, горных лыж —
тоже не было.

Еще не было белых крыс и породистых псов. На-
пример, бультерьеров.

Да! Еще вот чего не было: не было книг! Не было
никого, кто умел их писать. Потому что букв тоже
не было.

Зато были морские коровы. Много-много мор-
ских коров. Они плавали в море, недалеко от берега,
и поедали водоросли. Но мало кто о них знал.

А еще тогда были поэты. И про поэтов знали. Они не плавали в море, а жили среди людей.

Поэты сочиняли стихи: иногда — короткие, а иногда — длинные. Это могли быть целые захватывающие истории. Свои стихи и истории поэты пели людям.

Тогда истории было принято петь.

И жил в те давние времена поэт по имени Аяэль.

Когда над вершиной холма поднималось большое солнце, Аяэль пел песню новому дню. И все были уверены: солнце теперь подарит тепло и ласку, обогреет людей и животных. Когда спускалась ночь, Аяэль пел нежную песню земле, чтобы она отдохнула от дневной толкотни и возни. Когда на свет появлялся ребенок, Аяэль пел песню рождения: в песне ребенку дарилось имя, и это имя определяло его дальнейшую жизнь. А когда нападали враги, Аяэль пел песню отваги, вселяя ярость в сердца мужчин и стойкость в сердца женщин. А по праздникам Аяэль пел истории — о том, как однажды из глубины густой Тьмы пробился наружу Свет. Из Света и Тьмы большой небесный Паук соткал тело Земли. Как глаза, заблестели ее озера. Как волосы на голове, закудрявились рощи. А в дубравах и рощах, в глубинах вод, на вершинах

скал завелись ее дети — разноцветные звери. Первые звери были добрыми и разумными. Когда Земля родила человека, они учили его лесным и водным законам, законам травы и ветра. И человек поначалу что-то запоминал. Но потом людей сделалось много. Они стали сильно шуметь. И быстро забыли то, что знали их древние предки. Из-за этого на земле...

В общем, много разных историй рассказывал Аяэль. И людям нравилось его слушать — даже если в песнях люди делали что-то неправильно. Тем, кто слушал, казалось, что все еще можно исправить.

Аяэля любили.

А Аяэль любил свои песни. Сильнее всего на свете.

Но однажды пришел Насмешник. Он склонил голову набок, как делают все насмешники, прищурился, внимательно посмотрел на поэта и сказал:

(12 — Ха-ха-ха! Аяэль, ты ли это? Я тебя не узнал. Наверное, ты топтался возле Толстой Стряпухи, когда она пересыпала муку. — Насмешник обошел Аяэля слева направо, не сводя с него глаз. — А ну, потряси головой! Нет, это не мука, — Насмешник обошел Аяэля справа налево. — Ха, Аяэль, я понял: ты начинаешь сесть!

— Что поделать! — развел Аяэль руками.

- (14   — Ха! Так ты скоро состаришься! Аяэль — и старик!
          — Да, — согласился с Насмешником Аяэль. А что
          еще он мог сделать?
          А Насмешник нахмурился. Так делают все на-
          смешники — сначала скажут «ха-ха», а потом возь-
          мут и нахмурятся:
          — Старики умирают. Известно тебе, Аяэль?

Аяэль это знал. Он много раз пел прощальные песни тем, чья земная жизнь кончилась.

— И что тогда станет с песнями? — спросил хмурый Насмешник.

— Ну... — сказал Аяэль.

Если честно, он растерялся.

— А я знаю, что с ними станет. Песни тоже умрут. В них слишком много слов. Их никто не запомнит. Правда, смешно? Ха-ха!

Но не каждое «ха-ха» может развеселить.

Аяэль стоял и молчал.

Насмешник чуть подождал, на всякий случай еще раз сказал «ха-ха-ха» и быстро-быстро ушел.

— Подумаешь, белые волосы, — пробормотал Аяэль. — Не так уж их много пока на моей голове. Не буду об этом думать.

(16 Но тут же услышал внутри себя тоненький голосок: «Не думать нельзя, Аяэль. Как можно не думать про песни?»

И с тех пор, что бы он ни делал — ел, спал, куда-нибудь шел, — голосок то и дело напоминал ему: «Аяэль, ты помнишь, что грозит твоим песням? Ты придумал, как их спасти?» И сердце Аяэля дергалось и болело.

Наконец он не выдержал, набрал в грудь побольше воздуха и пропел-проговорил:

Повелительница капли,
Грома, шороха, птичьей трели,
Утренних вздохов, шелеста снов,
Коротких и длинных человеческих слов!
Та, что много умеет и знает,
Аяэль тебя призывает!

Тут загремело, закапало, зашипело, заплакало, загудело, заверещало, зашептало и закричало — зашел велился звучащий мир.

Обычно, призывая Повелительницу звуков, Аяэль закладывал уши мхом. Но сейчас он забыл обо всем и просто зажмурил глаза — хотя это уж точно помочь не могло.

— Ты звал меня, Аяэль, сочинитель историй? — дохнуло ему в уши ветром. — Что ты хочешь? Новую песню?

Повелительница звуков уже была здесь. Звучащий мир успокоился. Аяэль открыл глаза.

— Здравствуй, Дарительница песен, — сказал он тихо. (У волшебницы такой острый слух, что с ней приходится говорить вполголоса.) — Нет, на этот раз песня мне не нужна. (19

Послышался треск и писк: Повелительнице звуков не очень понравились слова Аяэля.

(20) Но Аяэль продолжал:

— Люди думают, что я часто топчусь возле Толстой Стряпухи, когда она насыпает в миску муку. И будто бы из-за этого мои волосы стали белыми. Но если я потрясу головой, ничего не изменится. Просто я начинаю сесть. Это значит, что я старею, — Аяэль тяжело вздохнул. — Будет день, когда я умру.

Сотни змей зашипели под ногами поэта; над его головой заухали сотни филинов; запищали летучие мыши; заскрипели гнилые деревья; стали биться огромные камни — так разгневалась Повелительница звуков:

— Так ты возжелал бессмертия?

На лбу Аяэля проступили капельки пота:

— Нет, что ты! Что ты! Жизнь человека конечна. Это великий закон, которому я не противлюсь. Но мои песни... В них слишком много слов. А память людей коротка. Люди будут путать слова. А потом и совсем их забудут. Неужели песни тоже должны умереть?

Стало тихо-тихо — тише, чем в самый тихий, самый безветренный день. Голос, ответивший Аяэлю, звучал, как шелест:

— Песни живут, только пока их поют. Так устроен звучащий мир. (21

— Все мои песни — твои дары. Неужели тебе их не жалко?

Аяэль услышал, как закапало сто сосулек.

— Неужели нельзя ничего придумать? — почти выкрикнул Аяэль — так он разволновался.